

Беседовала
Евгения Ульченко

О ней говорят как о последней царице русской оперы и самой харизматичной певице нашего времени. Поклонники осыпают звезду Большого театра цветами и подарками, главы государств целуют ей руки... А легенда вокала ломает оперные стереотипы, исполняя партию Кармен босиком, и эпатирует публику, участвуя в джазовых концертах и появляясь на подмостках театра Романа Виктюка в роли стареющей оперной дивы, которая матерится, смачно курит и танцует рок-н-ролл.

— Елена Васильевна, где вы сегодня выступаете чаще — в России или за рубежом?

— Я по-прежнему много пою и за границей, и здесь. В августе у меня пройдут громадные джазовые концерты в Сочи совместно с Денисом Мацуевым и Игорем Бутманом. С Денисом у меня была сольная программа в Иркутске год назад, я очень уважаю это молодое дарование и рада дружбе с ним. Там же, в Сочи, я выступлю с программой из советских песен — «Песни моей молодости». А к Новому году готовлю «Неаполитанские песни» и песни «Тоски». Только что подписала большой контракт с итальянцами: буду петь в «Фальстафе» и в спектакле Доницетти «Дочь полка». Там у меня очень смешная роль маркизы.

— Джаз — это ваше давнее увлечение?

— Нет. В декабре 2003 года я впервые исполняла джаз на концерте в Большом зале филармонии в Петербурге. Но дело в том, что я много пела зонги Курта Вайла. Эта музыка довольно близка джазу. И таким образом несколько лет назад я влюбилась в джаз, накупила массу дисков, много слушала и решила, что вполне могу это спеть.

— Некоторые ваши коллеги считают невозможным для себя «опускаться» до джаза или оперетты...

— В любом жанре есть талантливая музыка. Вот исполнители — это другое дело. Я занимаюсь только тем, что мне близко к данному моменту. Вот сейчас моей душе угодно петь джаз.

— Меньше месяца остается до Четвертого международного конкурса молодых оперных певцов Елены Образцовой, который пройдет с 1 по 15 сентября в Санкт-Петербурге. Что вы можете о нем сказать?

— На эти громадные конкурсы вокалистов в Петербург в качестве членов жюри я приглашаю самых великих певцов на свете — Джоан Сазерленд, Ренату Скотто, Федору Барбери, многих других выдающихся музыкантов, и они приезжают... В этом году в программе примут участие 250 исполнителей из 25 стран мира, в том числе из Австралии, Новой Зеландии, Норвегии, Китая, Чехии, стран СНГ. Это рекордная цифра не только для нашего конкурса, но и для конкурсов такого рода вообще. Будет три тура, первые два — свободные для посещения зрителями. А на третий, возможно, понадобятся билеты, но по минимальным ценам, чтобы просто ограничить вход людей в зал, который наверняка в течение двух недель будет забит битком. Почти все оперные певцы, которые уже получили премии на моем конкурсе, работают теперь в лучших театрах России и мира — и в Метрополитен-опера, и в Ла Скала. Я считаю, что делало очень большое дело.

— Интересно, чтобы войти в жюри, какими навыками нужно обладать?

— Я считаю, что члены жюри — это как доктора. Мы должны определить болезнь певцов или констатировать их замечательное здоровье. Оценить не только голоса и технику, но и знание языков. У нас нет никаких других забот, как только выявить самых талантливых, поэтому очень многие и подают заявления на мой конкурс.

— А вы на скольких языках поете?

— Английский, французский, немецкий, итальянский, испанский, японский, латинский, венгерский, сейчас не вспомню, еще один остался, ну русский, наверное.

— Как все начиналось, когда вы решили стать певицей?

— Родилась в Ленинграде. Когда началась война, мне

было два года. Еще не научившись говорить, кричала «аого!» и «анитки!», то есть «тревога» и «зенитки». В бомбоубежище орала от голода как сумасшедшая. Тогда, наверное, и прорезался мой голос... Потом началась блокада, и нас вывели в Вологодскую область. Там, в деревне, и прожили с мамой до конца войны. По вечерам, когда деревенское стадо возвращалось с пастбища, я загоняла коров по домам. За это меня подкармливали — кто пирожком, кто яичком. А однажды соседка подарила мне цветок жасмина. Я пришла домой счастливая, а мама сказала: «Дурочка ты, дурочка, лучше бы хлебца кусочек дали!» Ну а запела я в пять лет. Папа у меня любил рыбачить, и когда мы ездили с ним на дачу, я пугала песнями всех рыб. С этого началось, а потом я уже не представляла себе жизни без пения. Когда пошла в школу, уроки делала исключительно под музыку. Пела сама или слушала пластинки, привезенные отцом из Италии: Джильи, Карузо, Галли-Курчи. Часами сидела у репродуктора во время оперных передач.

— После школы вы сразу поступили в консерваторию?

— Нет, в музыкальное училище, и занималась там год. Но отец сказал: «Если быть певицей, то только настоящей, большой!» А из тебя ничего не получится. Становись-ка ты лучше инженером». Сам он обладал великолепным баритоном, играл на скрипке, но работал конструктором на машиностроительном заводе. Папа хотел, чтобы я окончила радиотехнический институт. Слава богу, я оказалась дурочкой и не сдала экзамены, а так крутила бы сейчас лампочки где-нибудь. Правда, я целый год проучилась на подготовительном отделении, а затем потихоньку побежала в консерваторию и сдала экзамены по пению. К остальным экзаменам была не готова, потому что думала — в консерватории надо только петь. В приемной комиссии для меня сделали исключение и перенесли экзамены на время первой сессии. Ну а потом об этом забыли, так я без экзаменов и поступила. Папа на

Я состоялась и в музыке, и в жизни, и как женщина, и как мама. Поэтому иконостас для меня особого значения не имеет... Когда в зале объявляют просто: «Поет Елена Образцова», — этого вполне достаточно.

меня сильно обиделся и даже целый год не разговаривал.

— Для того чтобы стать звездой, важна удача?

— Конечно. Ведь на самом деле есть безумное количество талантливых певцов, у которых просто не было случая проявить свои способности. Я вообще фаталистка. Думаю, что мы все запрограммированы и наша судьба, хотим мы этого или нет, predetermined на свисте. Уверена, что меня Господь ведет по жизни.

— А если говорить о конкретном случае?

— «Прорыв» произошел со мной много лет назад на гастролях Большого театра в Париже. Ирина Архипова задержалась в Москве и не смогла исполнить партию Марини Мнишек в «Борисе Годунове». Заменяя ее, я на следующий день проснулась уже знаменитой. Меня пригласил к себе самый великий импресарио XX столетия Соломон Юрок.

— Это не вызвало зависти у ваших коллег? Ирина Архипова поздравляла вас с удачным международным дебютом?

— Я не помню, поздравляла ли она меня. Но вообще с Архиповой мы прошли всю жизнь рядышком и не ссорились.

Елена ОБРАЗЦОВА:

Эпатаж — это не для умных людей

лиса. Да я и ни с кем никогда не конфликтовала. У меня всегда складывались с коллегами замечательные отношения.

— А ваши отношения с Большим театром тоже всегда были прекрасными?

— Мне так кажется, единственное, что странно: за сорок лет «на меня» здесь ни разу не поставили ни одного спектакля. Но, наверное, потому что в Большом театре, кроме меня, были еще и Архипова, и Авдеева.

— Они составляли вам конкуренцию?

— Просто я очень много ездила за границу, а они в это время выступали в Москве. Может быть, по этой причине руководство театра делало ставку на них.

— В советское время артисту, даже очень талантливому, «заслужить» зарубежные гастроли было очень тяжело...

— Сначала я ездила вместе с Большим театром на гастроли, а после большого успеха в Париже меня пригласили в оперу в Сан-Франциско. В Союзе все было только счастливым. Потому что несколько

— Изменились ли за последние годы ваши концертные залы, точнее, публика?

— Нынешние залы, безусловно, изменились, но не могу жаловаться: у меня по-прежнему аншлаги и даже те «новые русские», о серости которых складывают анекдоты, приходят на мои выступления. Надеюсь, что я что-то вкладываю в их головы и души... А есть, кстати, люди, которые ходят ко мне годами. Моя аудитория расширялась еще и за счет того, что я стала давать джазовые концерты и играть в драматических спектаклях. Побывав в театре у Виктюка или послушав джаз, люди, далекие от серьезной музыки, приходят посмотреть на то, что я делаю на оперной сцене. Может быть, стало больше молодежи. И меня радует ее интерес к классике.

— Как по-вашему, что нужно сделать, чтобы привить молодежи вкус к хорошей музыке, литературе, живописи?

— Если бы я была министром культуры, то обязательно ввела в школе не просто уроки пения, а урок классической музыки. Еще сделала бы так, чтобы на уроке рисования дети не просто рисовали солнышко, кошку и домик, а изучали творчество художников... Я думаю, что это задача и журналистов, которые должны объединиться и начать бой с гадостной попойкой...

— Сейчас среди классических певцов стало модно петь на пару с кем-нибудь из эстрадных...

— Я уже рассказывала, что мне предлагали спеть вместе

— Я договаривалась с дирижерами, чтобы они следили за мной и подхватывали мою партию, а не я следовала их сигналам, как это принято. И это были самые счастливые моменты в моей жизни. Теперь меня прооперировали в Испании, и зрение восстановилось.

— Правда, что однажды вы исполнили «Кармен» в Мариинском театре и прямо со спектакля в платье своей героини были отправлены в больницу?

— Было и такое. По сценарию в третьем акте меня должен был уронить тенор. Я готовилась к этому падению, но он почему-то ушел со сцены. А потом спохватился, выбежал обратно и просто меня толкнул... К счастью, вскоре наступил антракт. Мне сделали укол, а на место перелома наложили шинну. Я обернулась платками и так, с местным наркозом, допела четвертый акт. А потом меня отправили в больницу. Но уже через неделю я с гипсом быстро полетела в Бразилию и пела с большой рукой арии в «Трубадуре».

— А что вообще происходит в нашей стране с культурой?

— Я обездолена вдоль и поперек весь мир и выше русской культуры ничего не видала. И лучше нашего образования — тоже. Но сегодня все сводится на нет. Когда попадаю в метро и вижу, что люди читают, у меня голова идет кругом. Это или детективы, или комиксы... Я думала, их только одни идиоты на Западе читают. Телевизор боюсь включать. Но больше всего я удивлена, что многие сегодня не только музыку не слушают, но даже не ходят в концертные залы и театры. И дело, мне кажется, тут совсем не в том, что цены на билеты возросли.

— Ваши поклонники не сетуют на то, что билеты на ваши концерты с каждым годом все дороже?

— Я сейчас работаю с такими менеджерами, которые оставляют тем, кто действительно любит меня и хорошую музыку, билеты по низкой цене.

— В спектакле у Романа Виктюка «Антония фон Эльба» вы играете 73-летнего певцу, которая дает уроки молодым и по ходу пьесы влюбляется в 24-летнего тенора. Вы на нее чем-то похожи?

— Это просто про меня. Идея пьесы вечная: любви все возрасты покорны, и в конце спектакля моя героиня говорит: «Я хочу, чтобы вы

Валерий Леонтьев. Мне пришлось ответить: «Монтсеррат Кабалье спела в дуэте с Фредди Меркьюри, и тот вскоре умер. Тебе не надо петь со мной. Живи, ты мне очень нравишься». А если говорить серьезно, такие дуэты мне не по душе, потому что делается это исключительно ради коммерции.

— Как, на ваш взгляд, сейчас обстоят дела с оперным искусством в России?

— Довольно грустно, потому что все талантливые певцы, которые смогли сделать себе контракт, к сожалению, уехали на Запад и очень редко возвращаются обратно. Но я почему-то уверена, что все вернется и привезут багаж, который там наберут, — и культуру, и школу.

— А что вообще происходит в нашей стране с культурой?

— Я обездолена вдоль и поперек весь мир и выше русской культуры ничего не видала. И лучше нашего образования — тоже. Но сегодня все сводится на нет. Когда попадаю в метро и вижу, что люди читают, у меня голова идет кругом. Это или детективы, или комиксы... Я думала, их только одни идиоты на Западе читают. Телевизор боюсь включать. Но больше всего я удивлена, что многие сегодня не только музыку не слушают, но даже не ходят в концертные залы и театры. И дело, мне кажется, тут совсем не в том, что цены на билеты возросли.

— Ваши поклонники не сетуют на то, что билеты на ваши концерты с каждым годом все дороже?

— Я сейчас работаю с такими менеджерами, которые оставляют тем, кто действительно любит меня и хорошую музыку, билеты по низкой цене.

— В спектакле у Романа Виктюка «Антония фон Эльба» вы играете 73-летнего певцу, которая дает уроки молодым и по ходу пьесы влюбляется в 24-летнего тенора. Вы на нее чем-то похожи?

— Это просто про меня. Идея пьесы вечная: любви все возрасты покорны, и в конце спектакля моя героиня говорит: «Я хочу, чтобы вы

наконец поняли, что в жалости и в любви не надо отказываться никому, даже таким грешникам, как мы». Постановка получилась очень удачной, мой дебют драматической актрисы, надеюсь, тоже. «Антония фон Эльба» уже несколько лет собирает полные залы — и у нас, и за рубежом на него до сих пор невозможно достать билеты. Сейчас я готовлюсь сразу к двум новым ролям в театре у Романа Григорьевича — в спектаклях «Венера в мехах» и «Не стреляйте в ма-

стала писать стихи. Впервые это случилось со мной во время похорон Альгиса... Вдруг кто-то совершенно лютственно стал мне их диктовать. Так, под диктовку, уже написала несколько толстых тетрадей. Вначале я и не думала эти стихи публиковать, но теперь собираюсь.

— Вы не представляете себе семейную жизнь без любви?

— Любовь — это мой способ существования, как музыка и пение. И семья, я считаю, может держаться только на

Мне кажется, что человек старится, только если он сам себе это разрешает. А если он полон сил, замыслов и любви ко всему на свете — ну как он может постареть?

му». Уже накупила всяких костюмов.

— Сегодня вы, наверное, самая авангардная оперная певица: спектакли у Виктюка, джаз... Помимо самовыражения, возможно, здесь есть момент эпатажа пафосной публики?

— Эпатаж — это не для умных людей. А у меня интеллектуальная и тонкая публика, которая все чувствует и понимает и которой я интересна и нужна.

— В одном интервью вы рассказывали, что Виктюк своим спектаклем фактически вытянул вас из депрессии. Это действительно было так?

— Да. После смерти моего мужа Альгиса Жюрайтиса, которого до сих пор люблю, я целый год находилась в ужасном состоянии. Мне не хотелось жить, ухаживать за собой. Я уже думала, что мне не выкарабкаюсь. Хотя и не лежала лицом к стене, а ездила, преподавала, давала концерты. Но это было насилье над собой.

— А потом?

— А потом я сказала Богу: «Ты послал мне великие испытания, и я счастлива. Но и в своей новой профессии она, на мой взгляд, состоялась — замечательно поет барокко, нашла свою нишу в музыке. Уже около 10 лет Лена со своей семьей в Испании, а я здесь. Моему внуку Саше сейчас 16 лет.

— На кого он похож, вы часто с ним видите?

— Мне кажется, что Саша — копия меня. Но, слава Богу, пение его пока не интересует. Я не была особо хорошей мамой, и теперь уже бабушкой, но любовь моя просто потоком льется на Сашу и Лену. Я довольно часто езжу к ним в Испанию, а внук приезжает в Москву, мы его не отучаем от России.

— Как вы относитесь к собственной славе?

— Когда я была молодой, мне хотелось каких-то званий и названий. Сегодня приятно, что они есть. Мой папа говорил: «Никогда не будь примадонной, они все дуры». На протяжении многих лет, работая с примадоннами, я поняла, что он прав. Если человек состоялся как актер, личность, ему не надо из себя ничего изображать. Я состоялась и в музыке, и в жизни, и как женщина, и как мама. Поэтому иконостас для меня особого значения не имеет... Когда в зале объявляют просто: «Поет Елена Образцова», — этого вполне достаточно.

— С тем, что вас порой называют последней царицей русской оперы, вы согласны?

— Никогда и никакие последние не бывает, потому что жизнь идет, рождаются люди, бывают какие-то моменты затихания на оперном небосклоне, но потом все заполняется новыми звездами. Так что на мне это дело не кончится, я вас уверяю.

— А что значит в вашей жизни деньги?

— Мне всегда нужно было столько денег, чтобы я могла о них не думать. Когда я молюсь Боженке, то обычно говорю: «Только, пожалуйста, сделай так, чтобы у меня не было громадных денег!» Я давно поняла, что громадные деньги обязательно приносят несчастье. И потом, за ними надо следить, надо бояться... Это все не для меня. Наверное, Бог слышит мои молитвы. У меня сейчас нормальные деньги, а когда нужно заработать — я зарабатываю. И никогда не ставлю деньги во главу угла.

— А как вы относитесь к дорогим украшениям?

— У меня есть хорошие вещи, но я не люблю надевать их на сцену. Все эти цацки отвлекают от музыки, от того, что ты хочешь людям сказать. Дорогие украшения хороши на приемах или на каких-то ужинах и обедах. А демонстрировать их зрителям я считаю неуважением по отношению к ним.

— Исполняя роль старухи в спектакле Виктюка, о старости не задумывались?

— Мне очень не хочется впускать к себе старость, и я решила повернуть судьбу в обратную сторону. Да, мне 66 лет, а чувствую себя на 35. Помните поговорку: «Если бы молодость умела, если бы старость могла?» А я и умею, и могу. В молодости думала: какое счастье — пять старинных русских романсы, уже все помня. Теперь это время настало. Когда мне было 40 лет, я решила, что вот наконец стала умная, а сегодня понимаю, что еще очень мало знаю. Наверное, и не надо много знать, а просто принимать, что Господь дает, и уметь оценить это счастье. Мне кажется, что человек старится, только если он сам себе это разрешает. А если он полон сил, замыслов и любви ко всему на свете — ну как он может постареть? И потом, надо думать не о том, сколько тебе лет, а о том, какие у тебя громадные планы... Самое важное, чтобы у тебя не сели батарейки. Я думаю, что любой человек живет столько, сколько он сам себе отмеряет.

— Вы ощущаете себя счастливым человеком?

— Очень! Несмотря на все трудности, невзгоды и потери. Свои и чужие. Конечно, я — раба своего искусства. Для меня жизнь — это пение, и я прошу Господа только об одном: чтобы он сначала дал мне умереть, а потом бы я перестала петь. Только так, а не наоборот...

Слова

Денис Мацуев:

— Я благодарен судьбе за то, что она свела меня с Еленой Васильевной. Это, конечно, подарок откуда-то сверху. Просто так подобных встреч не бывает. До совместного сольного концерта в Иркутске на фестивале «Звезды на Байкале» у нас была всего одна репетиция, перед которой я впервые за долгие-долгие годы страшно волновался. У меня тряслось буквально все. Но когда я увидел Елену Васильевну с ее невероятной собачкой по имени Кармен, все страхи куда-то исчезли. Атмосфера на репетиции была абсолютно легкой, более того,

некоторые моменты стали буквально откровением и счастьем. Эти моменты счастья повторялись потом и на концерте, и в общении с этой великой женщиной. Она удивительно молода душой и постоянно находится в драйве. Драйв необходим во всех профессиях и начинаниях... Я боготворю Елену Васильевну уже за одно то, что она общается со мной, что она пришла на мое тридцатилетие в Концертный зал Чайковского и гениально пела. И сейчас, в августе, я жду с большим нетерпением совместных джазовых концертов с ней и Игорем Бутманом.